

АВВА
ДОРОФЕЙ

Душеполезные
поучения

Авва Дорофей Авва Дорофей
Душеполезные поучения и
послания с присовокуплением
вопросов его и ответов
на оные Варсануфия
Великого и Иоанна Пророка

«Благовест»

2013

Авва Дорофей А.

Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка / А. Авва Дорофей — «Благовест», 2013

Авва Дорофей в своих творениях очень доступно и просто говорит о том, что необходимо для каждого человека: о хранении совести, о том, как переносить искушения, как проходить путь Божий разумно и внимательно, о созидании душевного дома добродетелей. Читая эту книгу, мы можем от самого святого аввы Дорофея получить ответы на множество вопросов духовной жизни, с которыми сталкиваемся каждый день. В эту книгу так же входят ответы на вопросы преподобного аввы Дорофея Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. В конце помещен Алфавитный указатель к наставлениям аввы Дорофея и ответов на его вопросы святых Варсануфия и Иоанна.

Содержание

Предисловие	6
Краткое сказание о преподобном Дорофее	7
Послание о книге сей к брату, просившему, чтобы прислали ему найденные слова преподобного отца нашего аввы Дорофея, которому и похвала здесь содержится с кратким его жизнеописанием, и	10
Сказание о жизни аввы Досифея	
Сказание о блаженном отце Досифее, ученике святого аввы Дорофея	13
Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения к своим ученикам	18
Пучение первое	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Авва Дорофей
Преподобного отца нашего аввы
Дорофея душеполезные поучения
и послания. С присовокуплением
вопросов его и ответов на оные
Варсануфия Великого и Иоанна Пророка

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2013

Предисловие

Авва Дорофей жил в конце VI – начале VII века и был православным подвижником и праведником. Он много забот и усилий приложил для спасения своей души и другим людям помогал своими мудрыми наставлениями. Книга «Душеполезные поучения и послания» была написана для монахов, посвятивших себя Богу. Но она вполне доступна и актуальна и в наше время для всех православных христиан, стремящихся построить свою жизнь по заповедям Божиим. При этом очень желательно изучать эту книгу, где найдется множество спасительных и душеполезных советов и наставлений, и применять содержащиеся в ней наставления и рекомендации в жизни под руководством своего духовного отца.

Перевод этих поучений сделан с греческой книги, изданной в Венеции в 1770 году, и тщательно сличен со славянским переводом, который был осуществлен в начале XVII века и издан в Киево-Печерской Лавре архитипографом оной иеросхимонахом Памвой Берындой в 1628 году. Через это сопоставление малопонятные места славянского перевода были прояснены, а места греческого текста, которые оказались особенно несходными со славянским переводом, даны в подстрочных примечаниях, где помещены также и необходимые пояснения.

Авва Дорофей очень доступно и просто говорит о том, что необходимо для каждого человека: о хранении совести, о том, как переносить искушения, как проходить путь Божий разумно и внимательно, о созидании душевного дома добродетелей. Оптинские старцы так говорили о книге аввы Дорофея: «Соединяя в своих поучениях глубокое ведение сердца человеческого с христианскою простотою, преподобный Дорофей предлагает ясное духовное зеркало, в котором каждый может увидеть самого себя и вместе найти вразумление и совет, как исправить свои душевные немощи и мало-помалу достигнуть чистоты и бесстрастия».

Читая эту книгу, мы можем от самого святого аввы Дорофея получить ответы на множество вопросов духовной жизни, с которыми сталкиваемся каждый день.

Все замечания и пожелания читателей будут с благодарностью приняты Издателем и учтены при последующем переиздании данной книги.

Андрей Плюснин

Краткое сказание о преподобном Дорофее

Мы не имеем оснований для точного определения времени, в которое жил преподобный Дорофей, более известный в качестве писателя. Приблизительно можно определить его свидетельством схоластика Евагрия, который в своей церковной истории, написанной около 590 года, упоминает о современнике и наставнике преподобного Дорофея великом старце Варсануфии, говоря, что он «еще живет, заключившись в хижине». Отсюда можно заключить, что преподобный Дорофей жил в конце VI и начале VII века. Предполагают, что он был родом из окрестностей Аскалона. Раннюю молодость свою он провел в прилежном изучении светских наук, что видно из собственных слов его, помещенных в начале 10-го поучения, где преподобный говорит о себе: «Когда я обучался светским наукам, мне казалось это сначала весьма тягостным, и, когда я приходил взять книгу, я был в таком же положении, как человек, идущий прикоснуться к зверю; когда же я продолжал понуждать себя, Бог помог мне, и прилежание обратилось мне в такой навык, что от усердия к чтению я не замечал, что я ел или пил и как спал. И никогда не позволял завлечь себя на обед с кем-нибудь из друзей моих и даже не вступал с ними в беседу во время чтения, хотя и был общителен и любил своих товарищей. Когда философ отпускал нас, я омывался водою, ибо иссыхал от безмерного чтения и имел нужду каждый день освежаться водою; приходя же домой, я не знал, что буду есть, ибо не мог найти свободного времени для распоряжения касательно самой пищи моей. Но у меня был верный человек, который готовил мне, что он хотел. А я ел, что находил приготовленным, имея и книгу подле себя на постели, и часто углублялся в нее. Также и во время сна она была подле меня на столе моем, и, уснув немного, я тотчас вскакивал для того, чтобы продолжать чтение. Опять вечером, когда я возвращался [домой] после вечерни, я зажигал светильник и продолжал чтение до полуночи и [вообще] был в таком состоянии, что от чтения вовсе не знал сладости покоя».

Учась с такой ревностью и усердием, преподобный Дорофей приобрел обширные познания и развил в себе природный дар слова, как об этом упоминает неизвестный автор послания о книге его поучений, говоря, что преподобный был высок по дару слова и, подобно мудрой пчеле, облетающей цветы, собирал полезное из сочинений светских философов и предлагал это в своих поучениях для общего назидания. Может быть, преподобный следовал примеру святителя Василия Великого, наставления которого он изучал и старался исполнять на самом деле. Из поучений преподобного Дорофея видно, что он хорошо знал произведения языческих писателей, но несравненно более – писания святых отцов и учителей Церкви: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Климента Александрийского и многих знаменитых подвижников первых веков христианства: а пребывание с великими старцами и труды подвижничества обогатили его опытным знанием.

Еще до вступления в монашество авва Дорофей пользовался наставлениями знаменитых подвижников: святых Варсануфия и Иоанна. Это следует из ответа, данного ему святым Иоанном на вопрос о раздаче имения: «Брат! На первые вопросы отвечал я тебе как человеку, еще требовавшему млека. Теперь же, когда ты говоришь о совершенном отречении от мира, то слушай внимательно, по слову Писания: *разшири уста твоя, и исполню я*» (Пс. 80: 11). Таким образом, святой Иоанн давал ему советы еще до совершенного отречения от мира.

Мы не знаем, какая причина побудила преподобного Дорофея оставить мир, но, рассматривая его поучения, можно заключить, что он удалился из мира, имея в виду только одно: достигнуть евангельского совершенства через исполнение заповедей Божиих. Он сам говорит о святых мужах в 1-м поучении: «Они поняли, что, находясь в мире, не могут удобно совершать добродетели, и измыслили себе особенный образ жизни, особенный образ действия, – я говорю о монашеской жизни, – и начали убежать от мира и жить в пустынях».

Вероятно, на эту решимость имели благодетельное влияние и беседы святых старцев; ибо, поступив в монастырь преподобного Серида, Дорофей немедленно предал себя в совершенное послушание святому Иоанну Пророку, так что ничего не позволял себе делать без его совета. «Когда я был в общежитии, – говорит о себе преподобный, – я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда, как я сказал, не решался сделать что-либо без его совета. Иногда помысл говорил мне: «Не то же ли [самое] скажет тебе старец? Зачем ты хочешь беспокоить его?» А я отвечал помыслу: «Анафема тебе, и рассуждению твоему, и разуму твоему, и мудрованию твоему, и ведению твоему, ибо что ты знаешь, то знаешь от демонов». И так я шел и вопрошал старца. И случалось иногда, что он отвечал мне то самое, что у меня было на уме. Тогда помысл говорит мне: «Ну что же? [Видишь], это то самое, что и я говорил тебе. Не напрасно ли беспокоил ты старца?» А я отвечал помыслу: «Теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святаго. Твое же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного состояния [души]». И так никогда не попускал я себе повиноваться своему помыслу, не спросив старца».

Воспоминание о большом прилежании, с которым преподобный Дорофей занимался светскими науками, поощряло его и в трудах добродетели. «Когда я вступил в монастырь, – пишет он, – то говорил сам себе: если при обучении светским наукам родилось во мне такое желание и такая горячность и оттого, что я упражнялся в чтении, оно обратилось мне в навык, то тем более [будет так] при обучении добродетели. И из этого примера я почерпал много силы и усердия».

В поучениях аввы Дорофея мы видим некоторые случаи, свидетельствующие о том, как он понуждал себя к добродетели и как преуспел в ней. Обвиняя всегда самого себя, он старался покрывать недостатки ближних любовью и проступки их в отношении к нему приписывал искушению или незлонамеренной простоте.

Послушание, назначенное ему игуменом Серидом, состояло в том, чтобы принимать и успокаивать странников, и здесь не раз выказывалось его великое терпение и усердие к служению ближним и Богу. «Когда я был в общежитии, – говорит о себе преподобный Дорофей, – игумен, с советом старцев, сделал меня странноприимцем, а у меня незадолго перед тем была сильная болезнь. И так [бывало]: вечером приходили странники, и я проводил вечер с ними; потом приходили еще погонщики верблюдов, и я служил им; часто и после того, как я уходил спать, опять встречалась другая надобность, и меня будили, а между тем наставлял и час бдения. Едва только я засыпал, как канонарх уже будил меня; но от труда или от болезни я был в изнеможении, и сон опять овладевал мною так, что, расслабленный от жара, я не помнил сам себя и отвечал ему сквозь сон: «Хорошо, господин... Бог да помянет любовь твою и да наградит тебя...; Ты приказал – я приду, господин». Потом, когда он уходил, я опять засыпал и очень скорбел, что опаздывал идти в церковь. А как канонарху нельзя было ждать меня, то я упросил двух братьев: одного – чтобы он будил меня, другого – чтобы он не давал мне дремать на бдении. И поверьте мне, братия, я так почитал их, как бы через них совершалось мое спасение, и питал к ним великое благоговение».

Подвизаясь таким образом, преподобный Дорофей достиг высокой меры духовного возраста и, будучи сделан начальником больницы, которую брат его устроил в монастыре преподобного Серида, служил для всех полезным примером любви к ближнему и в то же время врачевал душевные язвы и немощи братии: «Когда я был в общежитии, не знаю как, братия заблуждались [касательно меня] и исповедовали мне помышления свои, и игумен с советом старцев велел мне взять на себя эту заботу». Под его руководством преуспел в краткое время и простосердечный делатель послушания Досифей. Имея с самого поступления в монастырь наставником своим святого Иоанна Пророка, преподобный Дорофей принимал от него наставления, как из уст Божиих, и считал себя счастливым, что в бытность свою в общежитии удостоился послужить ему, как сам он говорит об этом в поучении своем. «Когда я еще был в монастыре аввы Серида, случилось, что служитель старца аввы Иоанна, ученика аввы Варсануфия,

впал в болезнь, и авва повелел мне служить старцу. А я и двери келии его лобызал извне [с таким же чувством], с каким иной поклоняется честному кресту. Тем более [был я рад] служить ему». Подражая во всем примеру святых подвижников и исполняя делом благодатные наставления отцов своих: великого Варсануфия, Иоанна и игумена Серида, – преподобный Дорофей был, несомненно, и наследником их духовных дарований. Ибо Промысл Божий не оставил его под спудом неизвестности, но поставил на свещнике настоятельства.

По кончине аввы Серида и святого Иоанна Пророка, когда общий наставник их Великий Варсануфий совершенно заключился в своей келии, преподобный Дорофей удалился из общежития аввы Серида и был настоятелем. Вероятно, к этому времени относятся поучения, сказанные им

своим ученикам. Эти поучения и несколько посланий составляют все, что осталось нам в наследие от писаний преподобного. Преподобный, сообразно с дарованием, [данным ему от Бога], исполнял святое служение равным образом в отношении к богатым и нищим, мудрым и невеждам, женам и мужам, старцам и юным, скорбящим и радующимся, чужим и своим, мирским и монахам, властям и подвластным, рабам и свободным – он всем постоянно был все и приобрел очень многих.

Послание о книге сей к брату, просившему, чтобы прислали ему найденные слова преподобного отца нашего аввы Дорофея, которому и похвала здесь содержится с кратким его жизнеописанием, и Сказание о жизни аввы Досифея

Хвалю твое усердие, ублажаю твою благословенную и поистине добролюбивую душу за тцание о благом, многолюбезный брат. Ибо так трудолюбиво испытывать и истинно хвалить сочинения и дела блаженного поистине и богодостойного отца нашего, дару Божию тезоименитого, значит хвалить добродетель, любить Бога и заботиться об истинной жизни. Похвала, по словам блаженного Григория, рождает соревнование, соревнование же – добродетель, а добродетель – блаженство. Итак, должно радоваться и сорадоваться поистине таковому твоему преуспеянию; ибо ты сподобился последовать стопам того, который подражал Кроткому и Смиренному сердцем, который, последуя душевному самоотвержению Петра и прочих учеников Христовых, так отвергнул от себя пристрастие к видимым вещам и так предал себя делам, угодным Богу, что и он, как я твердо знаю, мог с дерзновением сказать Спасителю: *се мы оставихом вся и в след Тебе идехом* (Мф. 19: 27). Оттого и *скончався вмале с Богом, исполни лета долга* (Прем. 4:13). Не в видимых пустынях и горах пребывал он и не полагал великим иметь власть над дикими зверями, но он возлюбил душевную пустыню и желал приблизиться к горам вечным, дивно просвещающим, и наступать на душегубительные главы мысленных змей и скорпионов. Сих вечных гор он вскоре и сподобился достигнуть, с помощью Христовою, страдальческим отсечением своей воли; а отсечение своей воли открыло ему непогрешительный путь святых отцов, который показал ему блаженное оное время легким и спасительное и благое иго поистине благим. Отсечением же своей воли он научился лучшему и дивному способу возвышения – смирению, и принятую от святых старцев заповедь: «Будь милостив и кроток» – исполнил на самом деле, а чрез сие украсился всеми добродетелями. Блаженный всегда носил во устах оное старческое изречение: «Достигший отсечения своей воли достиг места покоя». Ибо он, старательно испытав, нашел, что корень всех страстей есть самолюбие¹.

На сие же самолюбие, рождающееся от сладостно-горькой нашей воли, наложив такое действительное лекарство (т. е. отсечение воли), он [вместе] с корнем заставил увянуть и лукавые отрасли, соделался ревностным возделателем бессмертных плодов и пожал истинную жизнь. Усердно поискав сокровенное на селе сокровище (см. Мф. 13), найдя и усвоив его себе, он обогатился поистине, получив богатство неистощимое. Я желал бы иметь достойную силу слова и мысли, чтобы сподобиться изложить по порядку и святое житие его, на общую пользу, в очевидный пример добродетели, показав, как он шел тесным и вместе пространным, преславным и блаженным оным путем. Ибо тесным называется путь сей потому, что идет неуклонно и, не раздвояясь, держится между двух скользких стремнин – как Божий друг и великий поистине Василий объясняет тесноту прискорбного и спасительного пути. А пространным путь сей называется по причине беспристрастия и свободы шествующих по нем ради Бога и особенно по высоте смирения, которое одно только, как сказал Антоний Великий, бывает выше всех сетей диавольских. Поэтому и на нем [преподобном Дорофее] поистине исполнилось изречение: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118: 96).

Но это, как невозможное для меня, я оставляю, хорошо зная, кроме всех других добрых свойств блаженного, и то, что он, подобно мудрой пчеле, облетающей цветы, и из сочинений

---

¹ В греческой книге прибавлено: «то есть любовь к успокоению своего тела».

светских философов, когда находил в них что-либо могущее принести пользу, то без всякой лености в приличное время предлагал в поучении, говоря между прочим: «Ничего в излишестве», «Познай самого себя» и тому подобные душеполезные советы, к исполнению которых побуждает меня, как было сказано, если не благоразумное произволение, то невольное мое бессилие. А что мне повелела ваша усердная и добролюбивая душа, то я смело и сделал, устранился тяжести преслушания и боясь наказания за леность, и с сим писанием послал вам, благоразумным о Боге торжникам, лежащий у меня без действия талант, т. е. найденные поучения сего блаженного: и те, которые он сподобился принять от своих отцов, и те, которые он сам предал своим ученикам, творя и уча по примеру нашего истинного Наставника и Спасителя. Хотя и не все слова сего святого могли мы найти, но только очень немногие, и те были [сперва] рассеяны по разным местам и уже по устройению Божию собраны некоторыми ревнителями. Но довольно будет предложить и сие малое для правосмыслия разума твоего, по сказанному: *Дождь премудрому вину, и премудрейший будет* (Притч. 9: 9).

Каков был блаженный Дорофей, к цели иноческого жития по Богу наставляемый и согласно намерению и житие восприявший, я воспоминаю умом своим. В отношении к духовным отцам своим он имел крайнее отречение от вещей и искреннее повиновение по Богу, частое исповедание, точное и неизменное [хранение] совести и в особенности несравненное послушание в разуме, будучи во всем утверждаем верою и усовершенствуем любовью. В отношении к подвизавшейся с ним братии [он имел] стыдливость, смирение и приветливость без гордости и дерзости, а более всего – добродушие, простоту, неспорливость – корни благоговения, и доброжелательства, и сладчайшего паче меда единодушия – матери всех добродетелей. В делах же – усердие и благоразумие, кротость и спокойствие, признак доброго нрава. Относительно вещей [которыми он распоряжался к общей пользе] в нем были тщательность, опрятность, потребное без пышности. Все это вместе взятое с другими качествами в нем управляемо было Божественным рассуждением. А прежде всего и выше всего были в нем смирение, радость, долготерпение, целомудрие, любовь к чистоте, внимательность и поучительность. Но кто начал бы вычислять все подробно, тот уподобился бы желающему исчислить дождевые капли и морские волны. Да и никто не должен, как я сказал прежде, решаться на дело, превышающее его силы. Лучше предоставлю вам сие приятное исследование, и вы, конечно, насладитесь им и поймете, от какой жизни и от какого блаженного пребывания Божественным промыслом, все ко благу устрояющим, приведен был к поучению и попечению о душах сей милосердый и сострадательный отец, поистине достойный учить и просвещать души, великий в разуме и величайший в простоте, великий в мудрости и больший в благоговении, высокий в видении и высочайший в смирении, богатый по Богу и нищий духом, словом сладкий и сладчайший в обращении, искусный врач для каждой болезни и каждого врачевания. Он, сообразно с дарованием, исполнял оное святое и мироносное служение равным образом в отношении к богатым и нищим, мудрым и невеждам, женам и мужам, старцам и юным, скорбящим и радующимся, чужим и своим, мирским и монахам, властям и подвластным, рабам и свободным. Он всем постоянно был все и приобрел очень многих. Но уже пора, возлюбленный, предложить тебе сладкую трапезу отеческих слов, которой каждая часть и изречение, даже самое малейшее, приносит немалую пользу и приобретение. Ибо хотя сей Божественный и дивный муж и высок был по дару слова, но, желая, по заповеди, снизить и в этом и явить собой пример смиренномудрия, он предпочитал везде смиренный и простой образ выражения и невитиеватость речи.

Ты же, найдя наслаждение, достойное твоего блаженного и искреннего рачения, радуйся, и веселись, и подражай жизни тобою достойно вожденного, моля Владыку всех и о моем неразумии. Сперва же скажу я вкратце о блаженном отце Досифее, который был первым учеником святого аввы Дорофея.

Сказание о блаженном отце Досифее, ученике святого аввы Дорофея

Блаженный поистине авва Дорофей, возлюбив иноческое по Богу житие, удалился в киновию² отца Сериды, где нашел многих великих подвижников, пребывавших в безмолвии, из коих превосходнее всех были два великих старца: святые Варсануфий и его ученик и сподвижник авва Иоанн, названный Пророком по дару прозорливости, который он имел от Бога. Им предал себя святой Дорофей в повиновение с полной уверенностью и беседовал с великим старцем чрез святого отца Сериды; отцу же Иоанну Пророку сподобился и послужить. Вышеупомянутые святые старцы нашли нужным, чтобы преподобный Дорофей устроил больницу и, поместившись там, сам имел о ней попечение, ибо братия очень скорбели о том, что, впадая в болезни, не имели никого, пекущегося о них. И так он, с помощью Божией, устроил больницу, при пособии родного брата своего, который снабдил его всем нужным для ее устройства, потому что был муж весьма христоролюбивый и монахолюбивый.

И так авва Дорофей, как я сказал, с некоторыми другими благоговейными братьями служил больным и сам и как начальник больницы имел надзор над сим заведением. Однажды послал за ним и призвал его к себе игумен авва Серид. Войдя к нему, он нашел там некоторого юношу в воинской одежде, весьма молодого и красивого собою, который пришел тогда в монастырь вместе с людьми князя, которых любил отец Серид. Когда авва Дорофей вошел, то авва Серид, отведя его в сторону, сказал ему: «Эти люди привели ко мне сего юношу, говоря, что он хочет остаться в монастыре и быть монахом. Но я боюсь, не принадлежит ли он кому-нибудь из вельмож, и если украл что-нибудь или сделал что-либо подобное и хочет скрыться, а мы примем его, то попадем в беду, ибо ни одежда, ни вид его не показывают человека, желающего быть монахом». Юноша сей был сродник некоторого воеводы, жил в большой неге и роскоши (ибо сродники таких вельмож всегда живут в большой неге) и никогда не слышал слова Божия. Однажды некоторые люди воеводы рассказывали при нем о Святом Граде (Иерусалиме). Услышав о нем, он возжелал видеть тамошнюю святыню и просил воеводу послать его посмотреть святые места. Воевода, не желая опечалить его, отыскал одного ближнего своего друга, отправлявшегося туда, и сказал ему: «Сделай мне милость, возьми сего юношу с собою посмотреть святые места». Он же, приняв от воеводы сего молодого человека, оказывал ему всякую честь, берег его и предлагал ему вкушать пищу вместе с собою и женою своею.

Итак, достигнув Святого Града и поклонившись святым местам, пришли они и в Гефсиманию, где было изображение Страшного Суда. Когда же юноша, остановясь пред сим изображением, смотрел на него со вниманием и удивлением, он увидел благолепную Жену, облеченную в багряницу, Которая стояла подле него и объясняла ему муку каждого из осужденных и давала при том некоторые другие наставления от Себя. Юноша, слыша сие, изумлялся и дивился, ибо, как я уже сказал, он никогда не слышал ни слова Божия, ни того, что есть Суд. И так он сказал Ей: «Госпожа! Что должно делать, чтобы избавиться от сих мук?» Она отвечала ему: «Постись, не ешь мясо и молись часто – и избавишься от мук». Давши ему сии три заповеди, багряноносная Жена стала невидима и более не являлась ему. Юноша обошел все то место, ища Ее, полагая, что это была [обыкновенная] жена, но не нашел Ее: ибо то была Святая Мария Богородица. С тех пор юноша сей пребывал в умилении и хранил три заповеди, данные ему. А друг воеводы, видя, что он постится и не ест мяса, скорбел о сем за воеводу, ибо он знал, что воевода особенно берег сего юношу. Воины же, которые были с ним, видя, что он так себя ведет, сказали ему: «Юноша! То, что ты делаешь, неприлично человеку, хотящему

---

² Киновия – общежительный монастырь.

жить в мире; если ты хочешь так жить, то иди в монастырь – и спасешь душу свою». А он, не зная ничего Божественного, ни того, что такое монастырь, и соблюдая только слышанное от одной Жены, сказал им: «Ведите меня, куда знаете, ибо я не знаю, куда идти». Некоторые из них были, как я сказал, любимы аввою Серидом и, придя в монастырь, привели сего юношу с собою. Когда же авва послал блаженного Дорофея поговорить с ним, авва Дорофей испытывал его и нашел, что юноша не мог ничего другого сказать ему, как только: «Хочу спастись». Тогда он пришел и сказал авве: «Если тебе угодно принять его, не бойся ничего, ибо в нем нет ничего злого». Авва сказал ему: «Сделай милость, прими его к себе для его спасения, ибо я не хочу, чтобы он был посреди братий». Авва Дорофей, по благоговению своему, долго отказывался от сего, говоря: «Выше силы моей принять на себя чью-либо тяготу, и не моей это меры». Авва отвечал ему: «Я ношу и твою, и его тяготу, о чем же ты скорбишь?» Тогда блаженный Дорофей сказал ему: «Когда ты решил таким образом, то возвести о сем старцу³, если тебе угодно». Авва отвечал ему: «Хорошо, я скажу ему». И он пошел и возвестил о сем великому старцу. Старец же сказал блаженному Дорофею: «Прими сего юношу, ибо чрез тебя Бог спасет его». Тогда он принял его с радостью и поместил его с собой в больнице. Имя его было Досифей.

Когда пришло время вкушать пищу, авва Дорофей сказал ему: «Ешь до сытости, только скажи мне, сколько ты съешь». Он пришел и сказал ему: «Я съел полтора хлеба, а в хлебе было четыре литры»⁴. Авва Дорофей спросил его: «Довольно ли тебе сего, Досифей?» Тот отвечал: «Да, господин мой, мне довольно сего». Авва спросил его: «Не голоден ты, Досифей?» Он отвечал ему: «Нет, владыко, не голоден». Тогда авва Дорофей сказал ему: «В другой раз съешь один хлеб, а другую половину хлеба раздели пополам, съешь одну четверть, другую же четверть раздели надвое, съешь одну половину». Досифей исполнил так. Когда же авва Дорофей спросил его: «Голоден ли ты, Досифей?», он отвечал: «Да, господин, немного голоден». Чрез несколько дней опять говорил ему: «Каково тебе, Досифей? Продолжаешь ли ты чувствовать себя голодным?» Он отвечал ему: «Нет, господин, молитвами твоими мне хорошо». Говорит ему авва: «Итак, отложи и другую половину четверти». И он исполнил сие. Опять чрез несколько дней [авва Дорофей] спрашивает у него: «Каково тебе теперь, [Досифей], не голоден ли ты?» Он отвечал: «Мне хорошо, господин». Говорит ему авва: «Раздели и другую четверть надвое и съешь половину, а половину оставь». Он исполнил сие. И так с Божией помощью, мало-помалу, от шести литр (а литра имеет двенадцать унций), он остановился на восьми унциях, то есть шестидесяти четырех драмах. Ибо и употребление пищи зависит от привычки.

Юноша сей был тих и искусен во всяком деле, которое исполнял. Он служил в больнице больным, и каждый был успокоен его служением, ибо он все делал тщательно. Если же случалось ему оскорбиться на кого-нибудь из больных и сказать что-либо с гневом, то он оставлял все, уходил в келарню (кладовую) и плакал. Когда же другие служители больницы входили утешать его и он оставался неутешным, то они приходили к отцу Дорофею и говорили ему: «Сделай милость, отче, пойди и узнай, что случилось с этим братом: он плачет, и мы не знаем, отчего». Тогда авва Дорофей входил к нему и, найдя его сидящим на земле и плачущим, говорил ему: «Что такое, Досифей, что с тобою? О чем ты плачешь?» Досифей отвечал: «Прости меня, отче, я разгневался и худо говорил с братом моим». Отец отвечал ему на это: «Так-то, Досифей, ты гневаешься и не стыдишься, что гневаешься и обижаешь брата своего? Разве ты не знаешь, что он есть Христос и что ты оскорбляешь Христа?» Досифей преклонял с плачем голову и ничего не отвечал. И когда авва Дорофей видел, что он уже довольно плакал, то говорил ему тихо: «Бог простит тебя. Встань, отныне положим начало [исправления себя]; постараемся, и Бог поможет». Услышав это, Досифей тотчас же вставал и с радостью спешил к своему служению, как бы поистине от Бога получил прощение и извещение. Таким образом, служа-

---

³ Великому старцу Варсануфию.

⁴ Литра содержит около 3/4 фунта.

щие в больнице, узнав его обыкновение, когда видели его плачущим, говорили: «Что-нибудь случилось с Досифеем, он опять в чем-нибудь согрешил». И говорили блаженному Дорофею: «Отче, войди в кладовую, там тебе есть дело». Когда же он входил и находил Досифея, сидящего на земле и плачущего, то догадывался, что он сказал кому-нибудь худое слово. И говорил ему: «Что такое, Досифей? Или ты опять оскорбил Христа? Или опять разгневался? Не стыдно ли тебе? Почему ты не исправляешься?» А тот продолжал плакать. Когда же [авва Дорофей] опять видел, что он насытился плачем, то говорил ему: «Встань, Бог да простит тебя; опять положи начало и исправься наконец». Досифей тотчас же с верою отвергал печаль оную и шел на дело свое. Он очень хорошо постилал больным постели и имел такую свободу в исповедании своих помыслов, что часто, когда постилал постель и видел, что блаженный Дорофей проходит мимо, говорил ему: «Отче, отче, помысл говорит мне: ты хорошо постилаешь». И отвечал ему авва Дорофей: «О диво! Ты стал хорошим рабом, отличным постельничим⁵. А хороший ли ты монах?»

Никогда авва Дорофей не позволял ему иметь пристрастие к какой-либо вещи или к чему бы то ни было: и все, что он говорил, Досифей принимал с верою и любовью, и во всем усердно слушал его. Когда ему нужна была одежда, авва Дорофей давал ему оную [шить самому], и он уходил и шил ее с большим старанием и усердием. Когда же он оканчивал ее, блаженный призывал его и говорил: «Досифей, сшил ли ты ту одежду?» Он отвечал: «Да, отче, сшил и хорошо ее отделал». Авва Дорофей говорил ему: «Поди и отдай ее такому-то брату или тому-то больному». Тот шел и отдавал ее с радостью. [Блаженный] опять давал ему другую и также, когда тот сшивал и оканчивал ее, говорил ему: «Отдай ее сему брату». Он отдавал тотчас и никогда не поскорбел и не пороптал, говоря: «Всякий раз, когда я сошью и старательно отделаю одежду, он отнимает ее от меня и отдает другому», но все хорошее, что он слышал, исполнял с усердием.

Однажды некто из посылаемых на послушание вне монастыря принес хороший и очень красивый нож. Досифей взял его и показал отцу Дорофею, говоря: «Такой-то брат принес этот нож, и я взял его, чтобы, если повелишь, иметь его в больнице, потому что он хорош». Блаженный же Дорофей никогда не приобретал для больницы ничего красивого, но только то, что было хорошо в деле. И [потому] сказал Досифею: «Покажи, я посмотрю, хорош ли он?» Он подал ему, говоря: «Да, отче, он хорош». Авва увидел, что это действительно вещь хорошая, но так как не хотел, чтобы Досифей имел пристрастие к какой-либо вещи, то и не велел ему носить сего ножа и сказал: «Досифей! Ужели тебе угодно быть рабом ножу сему, а не рабом Богу? Или тебе угодно связать себя пристрастием к ножу сему? Или ты не стыдишься, желая, чтобы обладал тобою сей нож, а не Бог?» Он же, слыша это, не поднимал головы, но, поникнув лицом долу, молчал. Наконец, побранив его довольно, авва Дорофей сказал ему: «Пойди и положи нож в больнице и никогда не прикасайся к нему». И Досифей так остерегался прикасаться к ножу сему, что не дерзал его брать и для того, чтобы подать когда-нибудь другому. И тогда как другие служители брали его, он один не прикасался к нему. И никогда не сказал: «Не таков ли и я, как все прочие?» Но все, что он ни слышал от отца, исполнял с радостью.

Так провел он недолгое время своего пребывания в монастыре. Ибо он прожил в нем только пять лет и скончался в послушании, никогда и ни в чем не исполнив своей воли и не сделав ничего по пристрастию. Когда же он впал в болезнь и стал харкать кровью [отчего и умер], услышал он от кого-то, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью. Это было известно и блаженному Дорофею, который заботился о его исцелении, но, по множеству дел, средство это не пришло ему на ум. Досифей сказал ему: «Отче, хочу сказать тебе, что я слышал о вещи, полезной для меня, но не хочу, чтобы ты дал мне ее, потому что помысл о ней беспо-

---

⁵ Заимствование из жития преподобного в Четьи-Минеи (19 февраля) греческой книги. А в славянском переводе оной это место читается так: «Быше добр раб, бысть добр осел, еда бо добр иннок?»

коит меня». Дорофей отвечал ему [на это]: «Скажи мне, чадо, какая эта вещь?» Он отвечал ему: «Дай мне слово, что ты не дашь ее, потому что, как я сказал, помысл смущает меня о сем». Авва Дорофей говорит ему: «Хорошо, я сделаю, как ты желаешь». Тогда больной сказал ему: «Я слышал от некоторых, что недоваренные яйца полезны харкающим кровью; но Господа ради, если тебе угодно, чего ты прежде не дал мне сам от себя, того не давай мне и теперь ради моего помысла». Авва отвечал ему: «Хорошо, если ты не хочешь, то я не дам тебе, только не скорби». И он старался вместо яиц давать ему другие полезные для него лекарства, ибо Досифей прежде сказал, что помысл смущает его касательно яиц. Вот как он подвизался отсесть свою волю, даже и в такой болезни.

Он имел всегда и память Божию, ибо [авва Дорофей] заповедал ему постоянно говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» – и между этим: «Сыне Божий, помози ми». Так он всегда произносил эту молитву. Когда же болезнь его весьма усилилась, блаженный сказал ему: «Досифей, заботься о молитве, смотри, чтобы не лишиться ее». Он отвечал: «Хорошо, отче, [только] молись о мне». Опять, когда ему сделалось еще хуже, [блаженный] сказал ему: «Что, Досифей, как молитва? Продолжается ли по-прежнему?» Он отвечал ему: «Да, отче, твоими молитвами». Когда же ему стало весьма трудно и болезнь так усилилась, что его носили на простыне, авва Дорофей спросил у него: «Как молитва, Досифей?» Он отвечал: «Прости, отче, более не могу держать ее». Тогда сказал ему [авва Дорофей]: «Итак, оставь молитву, только вспоминай Бога и представляй себе Его как сущего пред тобою». Страдая сильно, Досифей возвестил об этом великому старцу⁶, говоря: «Отпусти меня, более не могу терпеть». На это старец отвечал ему: «Терпи, чадо, ибо близка милость Божия». Блаженный же Дорофей, видя, что он так сильно страдал, скорбел об этом, боясь, чтобы он не повредился умом. Через несколько дней Досифей опять возвестил о себе старцу, говоря: «Владыко мой, не могу более [жить]». Тогда старец отвечал ему: «Иди, чадо, с миром, предстань Святой Троице и молись о нас».

Услышав сей ответ старца, братия начали негодовать и говорить: «Что он сделал особенного или каков был подвиг его, что он услышал сии слова?» Ибо они действительно не видели, чтобы Досифей особенно подвизался или вкушал пищу через день, как делали некоторые из бывших там, или чтобы он бодрствовал прежде обычного бдения, но и на самое бдение вставал не к началу. Также не видели, чтобы он имел особенное воздержание, но, напротив, примечали, что если случайно оставалось от больных немного соку или рыбьих голов или чего-нибудь подобного, то он ел это. А там были иноки, которые, как я сказал, долгое время вкушали пищу через день и удваивали свои бдения и воздержание. Они-то, услышав, что старец послал таковой ответ юноше, пробывшему в монастыре только пять лет, смущались, не зная делания его и несомненного во всем послушания: что он никогда ни в чем не исполнил своей воли, что, если случалось когда-нибудь блаженному Дорофею сказать ему слово, смеясь над ним (и как бы что-нибудь приказывая), то он поспешно шел и исполнял это без рассуждения. Например, сначала он по привычке говорил громко. Блаженный Дорофей, смеясь над ним, однажды сказал ему: «Тебе нужен вукократ, Досифей? Хорошо, пойдя же, возьми вукократ». Он, услышав это, пошел и принес чашу с вином и хлебом⁷ и подал ему, чтобы принять благословение. Авва Дорофей, не понимая этого, посмотрел на него с удивлением, и сказал: «Чего ты хочешь?» Он отвечал: «Ты велел мне взять вукократ, так дай мне благословение». Тогда он сказал: «Бессмысленный, так как ты кричишь подобно готфам, которые кричат, когда [напьются и] рассердятся, то я и сказал тебе: «Возьми вукократ. Ибо ты говоришь, как готф». Досифей же, услышав это, поклонился и отнес обратно принесенное им.

Однажды пришел он также спросить [авву Дорофея] об одном изречении Святого Писания, ибо ради чистоты своей он начал понимать Святое Писание. Блаженный же Дорофей не

---

⁶ Святому Варсануфию.

⁷ В греческой книге прибавлено: «ибо это и значит вукократ».

хотел, чтобы он вдавался в это, но чтобы лучше охранялся смирением. Итак, когда Досифей спросил его, он отвечал ему: «Не знаю». Но тот, не поняв [намерения отца своего], опять пришел и спросил его о другой главе. Тогда он сказал ему: «Не знаю, но пойди и спроси отца игумена». И Досифей пошел, уже нимало не рассуждая. Авва же Дорофей предварительно сказал игумену: «Если Досифей придет к тебе спросить что-нибудь из Писания, то побей его слегка». Итак, когда он пришел и спросил [игумена], тот начал толкать его, говоря: «Зачем ты не сидишь спокойно [в своей келии] и не молчишь, когда ты ничего не знаешь? Как смеешь ты спрашивать о таких предметах? Что не заботишься о нечистоте своей?» И, сказав ему еще несколько подобных выражений, игумен отослал его, дав ему и два легких удара по щекам. Досифей, возвратясь к авве Дорофею, показал ему свои щеки, покрасневшие от ударений, и сказал: «Вот я получил, чего просил»⁸. Но не сказал ему: «Зачем ты сам не вразумил меня, а послал к отцу [игумену]?» Он не сказал ничего подобного, но все, что говорил ему отец его, принимал с верою и исполнял, не рассуждая. Когда же он вопрошал авву Дорофея о каком-либо помысле, то с такою уверенностью принимал слышанное и так соблюдал оное, что во второй раз уже не спрашивал [старца] о том же помысле.

Итак, не понимая, как я сказал, чудного сего делания, некоторые из братии роптали о сказанном Досифею от великого старца. Когда же Бог восхотел явить славу, уготованную ему за святое его послушание, а также и дар ко спасению душ, который имел блаженный авва Дорофей, хотя и был еще учеником, сподобившись так верно и скоро наставить Досифея к Богу, тогда в скором времени по блаженной кончине Досифея случилось

следующее. Один великий старец, из другого места пришедши к находившимся там [в киновии аввы Серида] братьям, возжелал видеть прежде почивших святых отцов сей киновии и помолился Богу, чтобы Он открыл ему о них. И увидел их всех вместе, стоящих как бы в лике, посреди же их был некоторый юноша. Старец после спросил: «Кто тот юноша, которого я видел среди святых отцов?» И когда он описал приметы лица его, то все узнали, что это был Досифей, и прославили Бога, удивляясь, от какой жизни и от какого прежнего пребывания, в какую меру сподобился он достигнуть в столь короткое время тем, что имел послушание и отсекал свою волю. За них всех воздадим славу человеколюбивому Богу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

⁸ В славянском переводе: «имам и пястницу на хребте».

Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения к своим ученикам

(составленные им, когда он вышел из обители аввы Серида и основал с помощью Божиею свой собственный монастырь после кончины аввы Иоанна, названного Пророком, и по совершенном молчании аввы Варсануфия)

Поучение первое Об отвержении мира

В начале, когда Бог сотворил человека (см. Быт. 1: 27), Он поместил его в рай, как говорит Божественное и Святое Писание, и украсил его всякою добродетелью, дав ему заповедь не вкушать от древа, бывшего посреди рая. И так он пребывал там в наслаждении райском: молитве, в созерцании, во всякой славе и чести, имея чувства здравые и находясь в том естественном [состоянии], в каком был создан. Ибо Бог сотворил человека по образу Своему, т. е. бессмертным, самовластным и украшенным всякою добродетелью. Но когда он преступил заповедь, вкусивши плод древа, от которого Бог заповедал ему не вкушать, тогда он был изгнан из рая (см. Быт. 3), отпал от естественного [состояния], и впал в противоестественное, и пребывал уже в грехе, в славолубии, в любви к наслаждениям века сего и в прочих страстях, и был обладаем ими, ибо сам сделался рабом их чрез преступление. Тогда мало-помалу начало возрастать зло и воцарилась смерть. Нигде не стало Богопочтения, а повсюду было неведение Бога. Только немногие, как сказали отцы наши, побуждаемые естественным законом, знали Бога, каковы были Авраам, и прочие патриархи, и Ной, и Иаков. Короче сказать, очень немногие и весьма редкие знали Бога. Ибо тогда враг излил всю злобу свою. И поелику воцарился грех, то начались идолослужение, многобожие, чародейства, убийство и прочее дьявольское зло. И тогда-то благий Бог, умилосердившись над Своим созданием, дал чрез Моисея написанный закон, в котором одно запретил, а другое повелел, как бы говоря: это делайте, а сего не делайте. Он дал заповедь, и прежде всего говорит: *Господь Бог наш, Господь един есть* (Втор. 6: 4), чтобы чрез сие отвлечь ум их от многобожия. И опять говорит: *и возлюбиши Господа Бога твоего... от вся души твоя и от вся силы твоя* (Втор. 6: 5). И везде возвещает, что един Бог и един Господь и что нет иного. Ибо, сказав: *возлюбиши Господа Бога твоего*, Он показал, что един есть Бог и един Господь. И опять в Десятословии говоря: *Господа Бога твоего да убоишися, и тому Единому послужиши, и к Нему пишися, и именем Его кленешися* (Втор. 6: 13), потом присовокупляет: *да не будут тебе бози инии... ниже всякаго подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу* (Исх. 20: 3–4), ибо люди служили всем тварям.

Итак, благий Бог дал закон в помощь для обращения от зла, для исправления оно; однако оно не исправилось. Послал пророков, но и они успеха не имели, ибо зло превозмогало, как говорит Исаия: *ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания* (Ис. 1: 6). Как бы сказал: зло не частное, не на одном месте, но во всем теле, объяло всю душу, овладело всеми силами ее, *несть пластыря приложити*, и проч., т. е. все стало подвластно греху, всем он обладает. И Иеремия также говорит: *Врачеваном Вавилона, и не изцеле* (Иер. 51: 9), т. е. мы явили имя Твое, возвестили заповеди Твои, благодеяния и обетования, предсказали Вавилону нашествие врагов, но он не исцелил, т. е. не покаялся, не убоился, не обратился от злых дел своих. Так и в другом месте говорит: *наказания не прилете* (Иер. 2: 30), т. е. вразумления или наставления. И в псалме сказано: *Всякаго брашна возгнушася душа их, и приближишися до врат смертных* (Пс. 106: 18). Тогда наконец преблагий и человеколюбивый Бог послал Единородного Сына Своего; ибо один только Бог мог исцелить такую болезнь, и это было небезызвестно пророкам. Посему и пророк Давид ясно говорит: *седяи на херувимех, явися... воздвигни силу Твою, и прииди во еже спасти нас* (Пс. 79: 2–3), и: *Господи, приклони небеса и снуди* (Пс. 143: 5), и тому подобное. И другие пророки различным образом изрекли многое: одни – моля, чтобы Он снисшел, другие – извещая, что Он непременно снисдет.

Итак, пришел Господь наш, сделавшись нас ради человеком, чтобы, как говорит святой Григорий, подобным исцелить подобное: душою – душу, плотню – плоть, ибо Он по всему, кроме греха, стал человеком. Он принял самое естество наше, начаток нашего состава, и сде-

лался Новым Адамом, по образу Бога, создавшего первого Адама, обновил естественное состояние и чувства сделал опять здоровыми, какими они были вначале. Сделавшись человеком, восставил падшего человека, освободил его, поработенного грехом и насильственно им обладаемого. Ибо с насилием и мучительно владел враг человеком, так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит апостол от лица нашего: *Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содеваю* (Рим. 7:19).

Итак, Бог, сделавшись ради нас человеком, освободил от мучительства вражия. Ибо Бог низложил всю силу врага, сокрушил самую крепость его, и избавил нас от владычества его, и освободил нас от повиновения и рабства ему, если только мы сами не захотим согрешать произвольно. Потому что Он дал нам власть, как Он сказал, *наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10: 19), очистив нас святым крещением от всякого греха, ибо святое крещение отъемлет и истребляет всякий грех. Притом преблагий Бог, зная немощь нашу и предвидя, что мы и по святом крещении будем согрешать, как сказано в Писании, что *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. 8: 21), дал нам, по благодати Своей, святые заповеди, очищающие нас, дабы мы, если пожелаем, могли опять соблюдением заповедей очиститься не только от грехов наших, но и от самых страстей. Ибо иное суть страсти, и иное – грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть, и тому подобное. Грехи же суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т. е. совершает телом те дела, к которым побуждают его страсти, ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним.

Итак, Он дал нам, как я сказал, заповеди, очищающие [нас] и от самых страстей наших, от самых худых залогов, [находящихся] во внутреннем человеке нашем. Ибо дает ему силу различить добро и зло, возбуждает его, показывает ему причины, по которым он впадает в согрешения, и говорит: «Закон сказал: не прелюбодействуй», а Я говорю: «Даже не похотствуй» (см. Мф. 5: 27–28). Закон сказал: «Не убивай», а Я говорю: «Даже не гневайся» (см. Мф. 5: 21–22). Ибо если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сегодня и не прелюбодействовал, похоть не перестанет внутренно смущать тебя, пока не вовлечет и в самое действие. Если ты гневаешься и раздражаешься на брата своего, то когда-нибудь впадешь и в злословие, [потом] начнешь и коварствовать [против него], и таким образом, мало-помалу идя вперед, дойдешь наконец и до убийства. Еще закон говорит: *за око, зуб за зуб*, и прочее (Лев. 24: 20). Христос же учит не только терпеливо переносить удар по ланите, но и со смирением обращать другую ланиту. Ибо тогда цель закона была научить нас не делать того, от чего сами не хотим пострадать. Потому что он и останавливал нас от делания зла страхом, чтобы самим не пострадать от [того же]. Ныне же требуется, как я сказал, изгнать самую ненависть, самое сластолюбие, самое славолубие и прочие страсти. Словом, теперь цель Владыки нашего Христа есть научить нас, от чего мы впали во все грехи сии, от чего постигли нас такие злые дни. Итак, сперва, как я уже сказал, Он освободил нас святым крещением, подав нам свободу делать добро, если пожелаем, и не увлекаться уже, так сказать, насильственно ко злу: ибо того, кто поработен грехами, они отягощают и увлекают, как и сказано, что каждый связывается узами своих грехов (см. Притч. 5:22).

Потом Он научает нас, как посредством святых заповедей очищаться и от самых страстей, чтобы чрез них не впасть опять в те же грехи. Наконец, показывает нам и причину, от которой приходит человек в небрежение и преслушание самих заповедей Божиих, – и таким образом подает нам врачевство и [против сей причины], дабы мы возмogli сделаться послушными и спастись. Какое же это врачевство и какая причина небрежения? Послушайте, что говорит Сам Господь наш: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11: 29). Вот здесь Он показал нам вкратце, одним словом, корень и причину всех зол и врачевство от оных, – причину всего благого. Показал, что возношение низложило нас, что невозможно иначе получить помилование, как через противоположное ему, т. е. смиренномудрием. Ибо возношение рождает пренебрежение, преслушание и поги-

бель, как и смиренномудрие рождает послушание и спасение души. Разумею же истинное смиренномудрие, не в словах только или во внешнем образе смирение, но собственно смиренный залог⁹, утвердившийся в самом сердце. Итак, желающий найти истинное смирение и покой душе своей да научится смиренномудрию и увидит, что в нем всякая радость, и всякая слава, и весь покой, как и в гордости все противное. Ибо от чего подверглись мы всем скорбям сим? Не от гордости ли нашей? Не от безумия ли нашего? Не от того ли, что мы не обуздываем злого произволения нашего? Не от того ли, что мы держимся горького своеволия нашего? Да и от чего же более? Не был ли человек, по сотворении своем, во всяком наслаждении, во всякой радости, во всяком покое, во всякой славе? Не был ли он в раю? Ему было повелено не делать сего, а он сделал. Видишь ли гордость? Видишь ли упрямство? Видишь ли непокорность?

После сего Бог, видя такое бесстыдство, говорит: «Он безумен, он не умеет наслаждаться радостью. Если он не испытает злключения, то пойдет [еще] далее и совершенно погибнет. Ибо если не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой». Тогда [Бог] воздал ему то, чего он был достоин, и изгнал его из рая. И [человек] был предан собственному своему самолюбию и собственной воле, чтобы они сокрушили кости его, чтобы он научился следовать не самому себе, но заповедям Божиим, чтобы самое злстрадание преслушания научило его покою послушания, как сказано у пророка: *Накажет тя отступление твое* (Иер. 2: 19). Однако благость Божия, как я часто говорил, не презрела Своего создания, но опять увещевает, опять призывает: *Придите ко Мне еси щия и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11: 28). Как бы говорит: вот вы трудились, вот вы пострадали, вот вы испытали злые [следствия] вашей непокорности; придите же теперь, обратитесь; придите, познайте немощь свою, дабы войти в покой и славу вашу. Придите, оживотворите себя смиренномудрием вместо высокоумия, которым вы себя умертвили. ...*Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обряцете покой душам вашим* (Мф. 11: 29). О, удивление, братия мои, что делает гордость! О, чудо, сколь сильно смиренномудрие! Ибо какая была нужда во всех сих превратностях? Если бы [человек] сначала смирился, послушал Бога и сохранил заповедь, то не пал бы.

Опять, по падении, [Бог] дал ему возможность покаяться и быть помилованным, но выя его осталась непреклонною. Ибо [Бог] пришел, говоря ему: *Адаме, где еси?*

---

⁹ Смиренное чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.